
О ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

ЛИНА МИКАЕЛЯН

Проблема этнической толерантности в научном контексте рассмотрения достаточно молода. Если же искать ее исторические истоки, придется обратиться к истории вавилонского смешения языков. Эта библейская легенда гласит о том, как важно людям понимать друг друга и что проблема толерантности постоянно актуальна. Согласно легенде люди, говорившие на одном языке, решили построить город и в нем башню до небес. Однако, чтобы люди перестали понимать друг друга, Бог смешал их языки; с тех пор человечество рассеялось по Земле, образуя различные нации со своими культурами и обычаями. Это та точка отсчета, начиная с которой люди стали задумываться о своем отношении к другим народам и культурам. Строго говоря, проблема восприятия иных культур, формирования позитивного или как минимум нейтрального отношения к иным языкам и культурам, всегда своевременна и современна. Этническая толерантность, формирование позитивного личностного отношения к иным культурам имеет две важные стороны: во-первых, познавая другую культуру, индивид способен полноценно познать свою и, во-вторых, познание другой культурной реальности способствует социальному развитию человека. Отрицание других этнических культур оборачивается непониманием своей собственной. И только тот, кто в состоянии сформировать в себе позитивное отношение к другим культурам, способен осознать собственную адекватную этническую идентичность. Приобщение к другим культурам позволяет нам дистанцироваться от этнических стереотипов. Роль подобных стереотипов как в развитии отдельной личности, так и общества в целом часто становится определяющей. Совсем не случайно, что ныне проблема этнической толерантности приобрела огромное значение. Именно она является фундаментом для развития социального мира, для налаживания взаимоприемлемого диалога различных этнокультур. Межэтническая конфликтогенность в современном мире обусловлена как раз дефицитом этнической толерантности¹.

Прежде чем понять суть этого феномена, необходимо остановиться на самом понятии «толерантность». Говоря о толерантности, следует иметь в виду следующее: это признание не только других культур (этническая толерантность), но и принятие двух основных принципов – социального единства человечества и отличия каждого из нас от каждого другого. Единство и многообразие являются двумя основными феноменами, с которым сталкивается каждый человек в течение своей жизни. Признавая другого, его этническую принадлежность, культуру и быт, мы тем самым освобождаемся от агрессив-

¹ См. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 1997.

ного отношения к этому другому, от ненависти к тем, кто отличается от нас. Признавая социальное единство человеческого мира, мы тем самым принимаем принцип толерантного отношения к нему. А это значит, что если мы негативно относимся к другому, то начинаем ненавидеть самих себя. Может быть, именно поэтому для каждого из нас недопустимо считать себя врагом кого-либо, проще думать, что кто-то является нашим врагом.

Понятие толерантности можно раскрыть несколькими основными характеристиками – готовностью воспринимать уникальность другого человека, способностью уважать его независимо от национальной, религиозной, гендерной и социальной принадлежности. Часто мы путаем два понятия – толерантность и терпимость. На первый взгляд эти понятия тождественны. На самом же деле между ними есть семантическая разница. Понятие «терпимость» предполагает нечто негативное, сдерживание агрессии по отношению к чему-то, отличному от нас. Говоря об этнической терпимости, мы призываем не проявлять агрессию по отношению к какому-то конкретному этносу. Говоря же об этнической толерантности, мы имеем в виду социальную и психологическую готовность личности принимать иную культуру в качестве самобытной ценности, имеющей право на существование, точно такое право, каким обладаем мы сами. Терпимость имеет скрытый смысл насилия над собой, толерантность – готовность принимать общечеловеческие ценности. Поэтому толерантность расценивается как социальная способность личности, она придает особое специфическое значение каждому из нас. Не принимая своеобразие и ценность другого человека, мы перестаем принимать собственную ценность. Именно поэтому люди, отличающиеся агрессивностью и жестокостью к другим, как правило, страдают низкой самооценкой.

Толерантность как готовность принимать другие этносы в качестве самобытной ценности не является чем-то исключительным, по сути это естественное качество нормального человека. Более того, судить о нормальности человека или этноса мы можем, основываясь на их толерантном отношении к другим. Понятие «толерантность» обладает универсальным значением, его можно найти в политике, медицине, социальной психологии, биологии, целом ряде гуманитарных наук. Можно быть толерантным к стрессу, к политической оппозиции, к другим культурам, к девиантным формам поведения. Во всех формах толерантности прослеживается единый принцип – лишь тот, кто признает ценность другого, принимает свою ценность. Иными словами, толерантность может быть рассмотрена системообразующей и смыслообразующей ценностью социальной жизни. Последнее предполагает введение дополнительного понятия – «границы толерантности». С одной стороны, оно представляется нонсенсом, так как толерантность не должна иметь границ и, отражая принцип принятия и прощения, не может быть ограничена сферой своей функциональности. С другой стороны, понятие «границы толерантности» должно существовать в силу того, что толерантность может трансформироваться в отрицание своей собственной самобытности, этнической или социальной неповторимости и привести к идентификации или полному слиянию с другими культурами.

Эти стороны проблемы не столько ее усложняют, сколько обогащают, поскольку лишь единство этих сторон и позволяет говорить о здоровой этнокультурной толерантности. Человек должен иметь границы толерантности, но границы не означают ограниченности. Они позволяют каждому формировать позитивное отношение к иным культурам. Благодаря им возможна позитивная установка в отношении других людей и этносов. Человек должен осознавать свое отличие от других, что не должно ему мешать принимать культуру других. Именно в этом смысловом поле и возможно понятие «границы толерантности». Когда же человек осознает свое отличие от другого, когда один этнос осознает свою самобытность и принимает уникальность других этносов, они способны подняться над собственной этнокультурной ограниченностью. Границы вообще предполагают выход за ее пределы. Только при таком подходе можно понять, где пролегает сама граница. Только принимая иные этнокультуры, возможно познать свою. Этот подход прослеживается уже у древнегреческих и римских мыслителей. «Философское рассмотрение толерантности вообще и этнокультурной толерантности в частности уходит своими корнями в античность и связано с осмыслением “свое”–“чужое” в контексте диалектики единства человеческой природы и культурно-исторических отличий в ее проявлении»².

Вспомним для примера хотя бы противопоставление эллинов и варваров в легенде о Солоне и Анахарсисе. Это противопоставление разрешается как раз формированием надэтнического понимания дружбы³. Такой же подход мы видим у Геродота, который описывает разнообразные обычаи эллинов и варваров⁴. В средневековом христианстве отчетливо прослеживается космополитическая тенденция, основанная еще римским стоицизмом⁵. По сути, европейская мысль на протяжении столетий, всегда акцентировала внимание на необходимости веротерпимости. Эта тенденция вообще присуща христианству⁶. Дж. Ролз придает толерантности моральный характер. Принципы справедливости должны основываться на идее свободы личности, и только свобода другого человека может ограничивать мою собственную свободу. Принцип принятия свободы другого является критерием морали и моральным достижением в развитии человека⁷. Этот же принцип распространяется на отношение к другим этнокультурам. «Таким образом, этнокультурную толерантность следует рассмотреть не только как норму межкультурного взаимодействия, этическую ценность, личностную характеристику, но и проследить взаимосвязь ее с процессами осмысления человеком своей национальной идентичности»⁸.

В контексте исторического анализа проблемы часто встречаются проти-

² «Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований». Сборник научных статей. Ярославль, 2011, с. 34.

³ См. **Диоген Лаэртский**. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.

⁴ См. **Геродот**. История. М., 1993.

⁵ См. **Блаженный Августин**. Творения. Том 3–4. СПб., 1998.

⁶ См. **Локк Д.** Опыт веротерпимости. Соч. в 3-х т. Т. 3. М., 1988.

⁷ См. **Ролз Д.** Теория справедливости. М., 2010.

⁸ «Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований», с. 35

воположные позиции. В одном случае толерантность описывается как панацея, в другом она «служит лишь для того, чтобы символически скрадывать и лечить реальный раскол и безразличие, которые демонстрирует человечество»⁹. Так или иначе, как бы мы ни рассматривали феномен толерантности, одно остается неоспоримым – толерантность в современном мире все чаще и настойчивее заявляет о себе. Какие причины могут служить препятствием для развития толерантного сознания? Самая очевидная причина – своеобразие человеческого сознания. Речь о коллективном характере человеческого мировосприятия. Несмотря на длительное историческое развитие Я-сознания человека, его индивидуальности, остатки родового мышления пока еще занимают важное место в нашем мировоззрении. До сих пор люди склонны делить общество на «своих» и «других». Более того, в большинстве этнокультур существует «образ врага». «Толерантность, или терпимость, – стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от преобладающего типа или не придерживаются общепринятых мнений. Толерантность – трудное и редкое достижение по той простой причине, что фундаментом сообщества является родовое сознание. Мы объединяемся в одной общности с теми, кто разделяет наши убеждения, или с теми, кто разговаривает на том же языке или имеет ту же культуру, что и мы, или с теми, кто принадлежит к той же этнической группе. В сущности, общность языка и чувство этнической близости на всем протяжении человеческой истории выступают в качестве оснований сообщества. В то же время мы склонны враждебно или со страхом относиться к “другим” – тем, кто от нас отличается. Различие может иметь место на любом уровне биологической, культурной или политической реальности»¹⁰. Это чувство сопринадлежности программирует отношение людей друг к другу. «Мы-чувство» и групповое мышление делают членов группы психологически похожими друг на друга, так что они начинают соответствовать поговорке «два сапога – пара»¹¹. Конфликты между различными этнокультурами обусловлены именно этим родовым сознанием. Анализ этого явления содержится в работе Г. Теджфела¹². Каждая этнокультура исходит из того, что ее мировоззрение, ее социальные установки наиболее правильны. «Другими словами, каждая группа считает свои социальные ценности, представления, традиции, верования и т. д. единственно правильными, и следовательно, полагает себя как некий эталон, образец, которому должны следовать все остальные группы. Поэтому восприятие образа жизни, ценностей, представлений, даже внешнего облика других этнических групп происходит с позиции сравнения “их” с “нами”. Но поскольку другие отличаются, поскольку “они” не такие, как “мы”, значит они “неправильные”, плохие. Ведь правильные и хорошие – это “мы”. Таким обра-

⁹ Шрейдер Ю. А. Утопия или строительство? // «Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности». М., 1990, с. 8.

¹⁰ «Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований», с. 36

¹¹ Семечкин Н. И. Социальная психология. Часть 2. Владивосток, 2003, с. 92.

¹² См. Tejfel H. Social psychology of intergroup relations. «Annual Review of Psychology», 1982, № 33.

зом, степень их “неправильности” определяется тем, насколько “они” не похожи на “нас”»¹³.

Эта непохожесть может охватывать различные уровни принадлежности – этнической, социальной, культурной, религиозной, возрастной и гендерной. «Культурный и религиозный плюрализм, развившийся в западном мире, особенно среди англосаксов, вызвал к жизни толерантность, необходимую для установления общности в условиях плюрализма. Толерантность была, с одной стороны, необходимым побочным продуктом этого плюрализма, а с другой – условием его дальнейшего развития. Решающей главой в истории толерантности явился кромвелевский период английской истории 17 в. В то время среди различных пуританских сект, входивших в армию Кромвеля, только индепенденты и левеллеры были заинтересованы в свободе и терпимости»¹⁴. Родовое сознание является конкретным препятствием для развития толерантности к другим этнокультурам. Примечательно, что именно христианство положило начало развитию толерантности. Мы считаем, что моральный потенциал христианства до сих пор не вполне осмыслен. Он значительно превосходит наши представления о ценности человека. Между тем для многих христиан религия часто сводится к знанию и выполнению определенных ритуалов. Моральный потенциал мистерии Голгофы заключается в том, что перед человеком было поставлено требование принимать других не по признаку кровного родства, а по духовной общности. «Примечательно, что проблема толерантности впервые возникла в западной цивилизации именно на религиозном уровне, а религиозная толерантность положила начало всем другим свободам, которые были достигнуты в свободном обществе. Иногда полагают, что нет ничего труднее, чем быть терпимым в отношении людей, придерживающихся иных религиозных убеждений. Это суждение зиждется на допущении, что религия в основе своей фанатична, и это отчасти верно в том смысле, что религия означает всецелую самоотдачу личности. В идеале вера должна порождать милосердие, а не фанатизм, поскольку она приводит к сопоставлению фрагментарных и ограниченных ценностей с абсолютным и божественным»¹⁵.

В контексте религиозного восприятия мира понятие «толерантность» тождественно понятию «милосердие». Именно этот семантический оттенок отличает толерантность от терпимости. Каждая этнокультура обладает своими ценными сторонами. Поэтому принятие каждой становится необходимым условием принятия ценности своей. Возвращаясь к истории Вавилонской башни, можно утверждать, что Бог смешал языки не потому, что опасался власти человека, а затем, чтобы каждый этнос понял ценность другого языка и культуры. Смешение языков становится первым шагом для развития толерантности. Моральное развитие общества состоит не только в приятии и любви к собственной культуре, а также в том, чтобы принимать другую культуру как свою. Неприятие других этнокультур называется коллективным комплек-

¹³ Семечкин Н. И. Указ. соч., с. 91.

¹⁴ «Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований», с. 37.

¹⁵ Там же.

сом превосходства. Этот комплекс присущ многим культурам. Каждая в той или иной степени считает свою систему ценностей, свой образ жизни, свое окружение верной и лучшей по сравнению с другими. На этом строится интолерантность, главный девиз которой: моим ближним является не мой сосед, а сосед моего соседа, то есть я сам.

Нетерпимость к другим этнокультурам порождает агрессию и жестокость, и часто шовинизм и ксенофобия становятся нормой. Проявления жестокости на этнической почве уже не удивляют, и в этом суть трагедии человеческого общества. Этническая нетерпимость порождает такие явления, как этнические чистки, геноцид. Межэтническая напряженность, как правило, имеет место в поликультурном обществе. Однако это не единственный критерий. В большинстве европейских государств, где сложилось поликультурное общество, практически отсутствует этническая нетерпимость, то есть причины этнической интолерантности нельзя искать только в полиэтнической структуре государства. В качестве другой ее причины часто выделяют сложное социально-экономическое состояние страны. «Эпоха перемен» приносит с собой негативные социальные изменения. В многонациональном государстве этническая напряженность часто считается естественным социальным явлением. Развал СССР обнажил эту проблему. Однако нельзя все объяснять лишь социально-экономическими причинами. В СССР этническая нетерпимость всегда имела место, но подавлялась авторитарной государственной машиной. После развала этой «империи зла» все вытесненные и подавленные тенденции стали очевидны.

В СССР проблема этнического была искусственно снята введением антропологического нонсенса «советский человек». Конечно, этой социально-политической косметикой невозможно было скрыть шрамы этнополитического террора. Советский Союз представлял собой обширный лагерь этнической нетерпимости, который контролировался институтами подавления. Естественно, что после развала страны проблемы межэтнического взаимодействия обрели социально-патологический характер. Негативные межэтнические предубеждения, стереотипы и предрассудки затрагивают практически все слои общества. Однако все они являются не причинами, а следствиями. Этностереотипы формируются на основе отношения одного этноса к другому, предрассудки и предубеждения – всего лишь формы выражения этого отношения. Проблема лежит намного глубже: как и почему формируются негативные установочные образования? Корни ксенофобии лежат в историческом прошлом. Любое социальное явление имеет двойственный характер: так, часто патриотизм имеет на другом полюсе ненависть к другому этносу. Патриотизм способен породить этноцентризм, если он формируется на фоне «образа врага», и «образ врага» становится необходимым этносоциальным компонентом в структуре патриотизма. Сценарий «любить в отместку кому-то» глубоко сидит в подсознании человека. Этноцентризм как социальное явление может быть понят, исходя из двух составляющих: гиперидентификации со своим этносом и дистанцирования от других. Человеку во все времена было свойственно делить весь мир на «своих» и «чужих». На основе подобного этноцен-

тризма существуют такие цивилизованные меры и правила межгосударственного общения, как наличие визы, гражданства, вида на жительство.

Сегодня мы с гордостью воспринимаем такие международные структуры, как Красный крест или «Врачи без границ». Человек все-таки хочет быть свободен от этноцентризма, именно эта установка и порождает подобные организации. Особое место в формировании этнической интолерантности занимает проблема национализма. Сразу отметим, что мы не хотели бы навешивать на это явление негативный ярлык. Прежде всего, необходимо, хотя бы в общих чертах, понять его суть. Еще М. Фуко понимал нацию как политический дискурс, как единство видения мира. Это единство видения мира выражается в симпатиях к собственному языку, культуре, обычаям и быту. Политическая активность нации может быть определена, согласно К. Вердери, в качестве национализма¹⁶. Однако национализм как политическая категория не тождествен этнической нетерпимости или этнического насилию. Национализм не предполагает насилия по отношению к другим нациям, хотя и включает в себя идею превосходства над другими. Можно испытывать гордость за свою национальную принадлежность и при этом не питать ненависти к другим этносам. Понятия «национальная гордость» и «национализм» отличаются не семантически, а политически. Понятие «этническое насилие» предполагает активное неприятие иных этносов и агрессию в их отношении.

Граница, разделяющая национализм и этноцентризм, этническое насилие, пролегает скорее в нравственном пространстве, чем в социальном и политическом. Хотя многие теоретики пытаются спекулировать на этой проблеме, необходимы четкие критерии разделения понятий. Строго говоря, политике недостает именно нравственного пространства, однако, попадая в него, политика погибает. Но, может быть, именно гибель политики становится необходимой предпосылкой развития нравственности. Толерантность по отношению к иным этнокультурам проистекает из нравственного пространства, в политической реальности толерантность находится на второстепенных ролях. Конечно же, каждый этнос имеет механизмы поддержания своей идентичности. Вполне естественное стремление каждого этноса сохранять свою идентичность имеет ряд оснований: во-первых, позитивная этническая идентичность выполняет функцию психологической защиты, включая конкретного индивида в рамки этнического «мы». Во-вторых, позитивная этническая идентичность является важнейшей основой социального развития общества и его социального творчества. Негативная этническая идентичность, как правило, порождает интолерантность по отношению к другим этносам. «Стратегия социального творчества проявляется и в восстановлении субъективного благополучия с помощью *выбора для сравнения еще менее успешных или еще более слабых групп*. Так, восточные немцы после воссоединения Германии оказались на более низкой ступени социальной иерархии, чем западные, но свое недовольство, предубеждения и даже акты агрессии они направили не на могущественное государство, а на еще более уязвимые группы вьетнамцев, турок и других иностранных рабочих, а также мигрантов из стран Восточной

¹⁶ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? <http://www.praxis.su/text/16/>

Европы»¹⁷. Этническая идентичность формируется не только на основе оценки собственной культуры, но также и в сравнении с другими культурами. Часто наблюдаются проявления негативной этнической идентичности и способы их компенсации. Один из таких способов – идентификация с другой этнокультурой, когда индивид отказывается от своей этнической принадлежности, считая свой этнос ущербным по сравнению с другими. Другим способом избавления от негативной этнической идентичности становится агрессия против других этносов, имеющих явные или кажущиеся преимущества перед собственным. С помощью агрессии осуществляется попытка погасить неприятные переживания по поводу своей этнической принадлежности. Многочисленные примеры этнического насилия имеют в качестве причины именно подобные негативные переживания.

После развала СССР этническое насилие по отношению к нерусским в России стало приобретать угрожающие формы. Так, возникшее тогда понятие «лица кавказской национальности» представляет собой следствие негативных этнических установок. Бессмысленно говорить, что такое понятие нелепо вследствие отсутствия такой национальности, точно так же как нелепо было понятие «советский человек». Тем не менее, оно находит место даже в лексиконе политических деятелей России. Однако «группа, находящаяся не в ладах с самой собой, не сможет нормально и счастливо сосуществовать с другими группами»¹⁸.

«Другим способом поддержания позитивного самоотношения является **выделение внутри этноса подгруппы**, которой и приписываются более положительные характеристики. Осознание себя как члена негативно оцениваемой в обществе группы допускает и конструирование **амбивалентной идентичности**, которая позволяет частично сохранить позитивное самоотношение, но способствует формированию “комплекса раздвоения личности”»¹⁹. В вопросе отношения к собственному этносу и формирования этнической идентичности особое место занимает право индивида на выбор своего этноса. Этническая принадлежность, наряду с биологической, рассматривается также в качестве аскриптивного (предписываемого) понятия. «Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже "переменить" народ, войти в состав и дух другого народа, однако опять не "произвольно", а путем долгого и упорного труда пересоздания детерминирующего его духовного уклада»²⁰. Если этническая идентичность выполняет для человека функцию психологической и социальной защиты, то отказ от своего этноса может говорить о дефиците этого защитного чувства. С другой стороны, такая ситуация может быть интерпретирована иначе: если человек отказывается от своей этнической принадлежности в пользу другой, то это значит, что именно другая, предпочитаемая этническая общность исполняет для него эту функцию. Иное дело, если человек отказывается вообще от лю-

¹⁷ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2009, с. 197–198.

¹⁸ Там же, с. 198.

¹⁹ Там же, с. 199.

²⁰ Шпет Г. Г. Психология социального бытия. М., 1996, с. 371.

бой этнической принадлежности. Это говорит или о патологии, или о самодостаточности, что часто означает одно и то же. Иногда человек отказывается от своей этнической группы, потому что она его не принимает.

Одним из компонентов формирования этнической интолерантности является противопоставление категорий «мы» и «они». Этот компонент работает также внутри этноса при противопоставлении различных социальных групп. Противопоставление «мы–они» распространяется также на религиозные предпочтения в пределах одного этноса. Так, представители господствующей ветви христианства противопоставляют себя иным христианским конфессиям: католики – протестантам, апостольская церковь – католической. Несмотря на постулат христианства о любви к ближнему своему, различные церкви, кажется, не очень-то к нему прислушиваются. Категоризация «мы–они» – постоянный источник враждебности или, как минимум, интолерантности. Этническая или социальная идентичность всегда нацелена на позитивное отношение к своему этносу, тем не менее она имеет границы. До тех пор, пока человеческое общество не придет к идее надэтнической или надгрупповой идентичности, категоризация «мы–они» сохранится.

ԼԻՆԱ ՄԻՔԱԵԼՅԱՆ – Էթնիկական հանդուրժողության խնդրի շուրջ – Հոդվածում քննարկվում է հանդուրժողականության և համբերատարության հարաբերակցությունը: Այս խնդիրը տրամաբանորեն տեղափոխվում է էթնիկական դաշտ: Հանդուրժողականության, այսպես կոչված, «առարկայական» ըմբռնումը միանշանակ էթնիկական աշխարհայացքի տիրույթում է: Սա է պատճառը, որ հոդվածում տեղ է հատկացված էթնիկական հանդուրժողականության խնդրին:

LINA MIKAELYAN – *About Problems of Ethnic Tolerance.* – The problem of ethnic tolerance in the scientific context is rather young. However, if we try to find its historical origins, we will have to refer to the famous story of the mixing of languages at the Tower of Babel. Strictly speaking, the problem of acceptance of other cultures, creation of a positive or at least neutral attitude towards other languages and cultures is always up to date. The problem of ethnic tolerance, development of positive personal attitude to other cultures has two important aspects: firstly, learning a different ethnic culture, the individual is able to fully realize his own culture, and secondly, the process of learning different ethno-cultural realities promotes one's social development. The denial of other ethnic cultures ends up creating a stable platform for misunderstandings of one's own culture. And only the person, who is able to generate positive attitude towards other cultures, is able to create for himself an adequate ethnic identity.